

ОГЛАВЛЕНИЕ

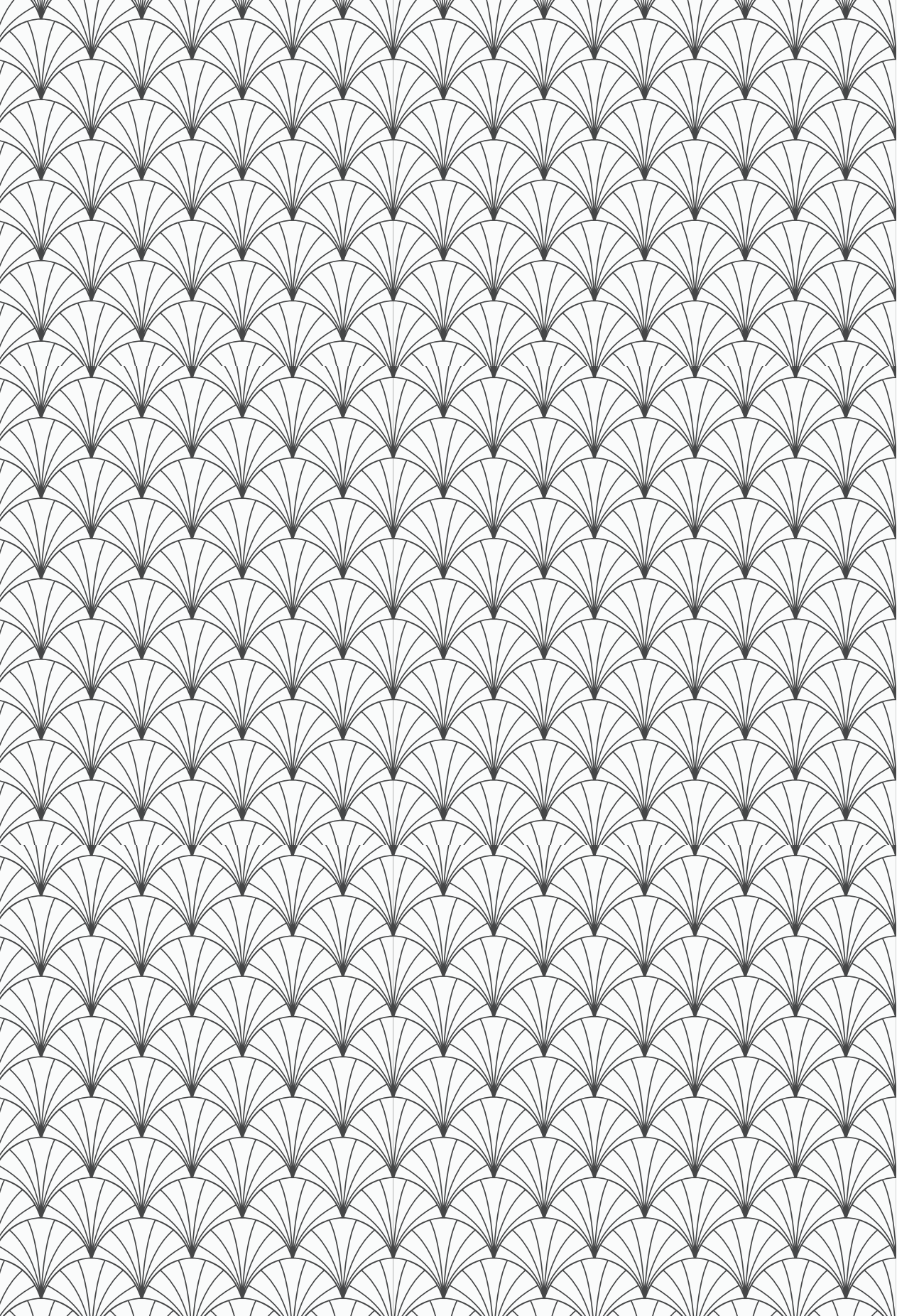
- 07** Глава I. Цель моей жизни — искусство
- 35** Глава II. Ясно чувствовать свое движение вперед
- 65** Глава III. Назад, в Россию
- 87** Глава IV. Искусство — единственное подлинное содержание жизни
- 111** Глава V. Красота разлита вокруг нас
- 133** Глава VI. Служение искусству
- 161** Основные даты жизни и творчества И. Э. Грабаря
- 171** Библиография

Г л а в а I

A large, stylized rectangular frame with a decorative border. The border is composed of small squares and rectangles, creating a stepped or architectural appearance. The text is centered within this frame.

ЦЕЛЬ МОЕЙ
ЖИЗНИ —
ИСКУССТВО

Весной 1878 года экипаж увозил семилетнего Игоря Грабаря и его мать Ольгу Адольфовну из закарпатского имения в далекую Россию. Отъезд сопровождали сильная гроза и ливень, но, по народной примете, это было счастливым предзнаменованием. Где-то далеко остались родные и друзья, живописные, поросшие лесом горы, бурные реки, веселые ребячьи забавы. Воспоминания вызывали не только грусть, но и ощущение безмерного счастья. Как волшебны были рождественские праздники с ослепительно сверкающей елкой и подарками! Мальчик верил, что их приносили таинственные добрые феи в великолепных нарядах и незаметно от всех прятали под свисающие разлапистые зеленые ветви. Среди долгожданных детских игрушек он непременно находил цветные карандаши, акварельные краски и кисти: близкие давно обратили внимание на его любовь к рисованию. Впоследствии художник вспоминал: «Когда началась страсть к рисованию — не помню, но достаточно сказать, что не помню себя не рисующим, не представляю себя без карандаша, без акварельных красок и кистей»¹. Между

¹ *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография. М. : Л. : Искусство, 1937. С. 21. Далее: *Моя жизнь.*

тем окружающая обстановка мало способствовала занятиям изящными искусствами, так как среди родных Игоря не было людей творческих профессий. Мальчик родился в Будапеште в семье юриста, депутата венгерского парламента Эммануила Ивановича Грабаря. Жизнь отца и матери — страстных патриотов России, — полная тревог, разлук и лишений, была посвящена борьбе против официальной политики мадьяризации славян, проживающих в Австро-Венгрии — двуединой монархии Габсбургов. И Эммануил Иванович, и дед Игоря по материнской линии — закавказский помещик Адольф Иванович Добрянский — поддерживали дружеские отношения со многими славянофилами, выступавшими за развитие особого, отличного от западноевропейского, русского пути политического и культурного развития. Адольф Иванович был близко знаком с главными идеологами этого течения: религиозным философом, писателем, поэтом Алексеем Степановичем Хомяковым, а также братьями Аксаковыми — публицистами и поэтами. — Константином Сергеевичем, призывавшим отделиться от Западной Европы, и солидарным с ним Иваном Сергеевичем, выступавшим также за формирование конфедерации славянских народов. Грабарь писал о своем знаменитом деде: «В славянофильских кругах его встречали не только радушно, но и с почетом, а в Австро-Венгрии он был признанным главой славянства, и самое имя его было символом объединения славянства. Широко образованный, окончивший кроме историко-филологического факультета инженерное отделение политехникума, он ярко выделялся среди своих сверстников и последователей, слепо ему повиновавшихся. В числе последних был и мой отец. <...> Надо ли прибавлять, что “русская идея” в глазах деда и отца отождествлялась в то время с формулой “самодержавие, православие и народность”. <...> Во всей рус-

ской государственности и самом укладе патриархально-помещичьей русской жизни они замечали только светлые стороны, достойные для подражания, кругом же себя видели одни недостатки. Главными врагами “русского дела” считали мадьяр и немцев, а православия — католичество и все, что с ним связано, даже в славянской среде. Поэтому врагами были и поляки, которых они ненавидели всей душой, а уж заодно и украинофилы. Дед заводил у себя в имении, где я рос и воспитывался в детские годы, всяческие русские навыки и обычаи, вывезенные из Москвы и подмосковных имений. Он носил русскую бороду и презирал австрийские бакенбарды. Все — от манеры говорить и обращения с дворней до халатов и курительных трубок включительно — было подражанием русскому помещицкому быту. Он всю жизнь скорбел, что его родители, бывшие униатами, дали ему неправославное имя — Адольф»¹.

Избранный в депутаты Будапештского парламента, отец будущего художника открыто и смело отстаивал свои политические убеждения, тесно связанные со славянофильским движением, и поэтому очень скоро был объявлен врагом Австро-Венгрии. Так же, как его жена и тесть, он был убежден, что необходимо бороться за сохранение русского самосознания и правовые принципы этнических славян, которые являются частью единого русского народа. Вынужденный скрываться сначала в Италии, затем во Франции, Эммануил Иванович после долгих скитаний, наконец, в 1876 году переехал в Россию, где принял звучную конспиративную фамилию Храбров, которую взяли и его сыновья — старший Владимир и младший Игорь. Художник носил фамилию Грабарь вплоть до окончания университета, тогда как его брат только в первый год по-

¹ Моя жизнь. С. 15–16.

сле приезда в Россию¹. Примечательно, что мать художника Ольга Адольфовна впоследствии приняла двойную фамилию Грабарь-Храброва. И это неудивительно: тем самым она как бы подчеркивала свое отношение к продолжающейся политической борьбе за освобождение славян. Старшая дочь Адольфа Ивановича была страстной последовательницей и единомышленницей своего отца. Восторженная, романтическая от природы и при этом решительная и храбрая, она всей душой восприняла русскую идею, что сказалось и в выборе имен сыновьям, названным в честь легендарных великих киевских князей — Владимира Святославича (крестителя Руси) и Игоря Рюриковича. Веру в особое призвание России и в могучую силу народного духа унаследовал от родителей и Игорь Эммануилович, о чем свидетельствуют прежде всего его неподдельный интерес к глубинным пластам русской культуры — древнерусской архитектуре и иконописи, — и его живопись, ярко окрашенная неповторимыми национальными чертами.

Художник, несомненно, очень гордился политически неблагонадежными родственниками, отдавшими лучшие годы своей жизни славянскому национально-освободительному движению.

Особенно близок Игорь Эммануилович был к матери, глубокое уважение и почтительное отношение к которой он сохранил до конца своей жизни. Безусловно, Ольга Адольфовна была незаурядной личностью, обладавшей необык-

¹ Грабарь — фамилия восточнославянской народности; от «грабар» — землекоп. См.: *Унбегаун Б. О. Русские фамилии.* М.: Прогресс, 1989. С. 213.

новенной внутренней привлекательностью. Ни при каких условиях она не собиралась менять свои политические убеждения, даже если это грозило ей полной утратой свободы и всех прав, и этому есть достоверное подтверждение. Так, в 1882 году широкую огласку получило судебное дело, инициированное властями Австро-Венгерской империи против движения славянофилов. Главными обвиняемыми стали Ольга Адольфовна Грабарь и ее отец Адольф Иванович Добрянский — лидер закарпатских русинов. Это был первый судебный процесс, направленный против русофильского движения в Австро-Венгрии. Мать художника и ее отца, а также их многочисленных сподвижников арестовали по заведомо ложному обвинению в заговоре, целью которого якобы являлось отторжение славянских земель от Австро-Венгрии и присоединение их к России, за что по закону полагалась смертная казнь. Знаменитый «Процесс Ольги Грабарь» был громким и сопровождался многочисленными публикациями в газетах всячески порочащих обвиняемых в государственной измене русофилов. Однако это обвинение провалилось, так как не имело никакой доказательной базы, и судебный процесс окончился благополучно. Адольфу Ивановичу Добрянскому и его дочери после тщательных разбирательств и показаний свидетелей наконец был вынесен долгожданный оправдательный приговор «за отсутствием улик». Между тем после процесса деду художника было запрещено проживание в местах с русским и славянским населением, что стало для него большим несчастьем. Адольф Иванович был вынужден переехать сначала в Вену, а затем в Инсбрук и, наконец, в Тироль, где жил до самой смерти, тоскуя по любимой России.

Через много лет Грабарь создал жизненно-полнокровные портретные образы своих родителей, щедро наделенных от природы силой интеллекта, независимостью и сво-

бодолюбием. В написанном в 1895 году портрете отца ему удалось передать запоминающийся облик русского интеллигента, подчеркнуть внутреннюю гармонию и духовное благородство уже немолодого и много испытавшего в жизни человека. Убедительностью психологической характеристики отмечен и правдивый портрет матери 1924 года, отразивший теплое нежное сыновнее отношение художника к модели. Стремление к глубокому постижению внутреннего мира человека, к раскрытию его духовной красоты и достоинства заставили автора сосредоточить все внимание на изображении лица пожилой женщины, мимика которого отражает сложное движение мыслей и чувств. Грабарю удалось передать энергичный мужественный характер Ольги Адольфовны, ее эмоциональность и темпераментность, которые, кстати, от рождения были присущи и самому художнику. В этих двух портретах видно стремление автора к выявлению высоких духовно-нравственных качеств личности портретируемых. Портрет матери, который с успехом экспонировался в 1925 году на выставке «Московские живописцы», Грабарь считал одним из лучших как по психологической характеристике, так и по колористическому решению.

Вскоре после вынужденного отъезда мужа в Россию Ольга Адольфовна, оставшись в Будапеште одна с двумя маленькими детьми, приняла нелегкое, но единственно правильное в сложившейся ситуации решение переехать к отцу, владевшему в то время обширным поместьем недалеко от Ужгорода — крупнейшего города в Закарпатье. Старый барский дом, где прошло раннее детство художника, был просторным и уютным, с большими комнатами, старинными картинами на стенах и библиотекой с редким собранием отечественных и зарубежных книг. Окруженная прекрасным садом с тенистыми аллеями и цветниками, по-

мещицья усадьба была расположена в живописном месте на берегу быстрой горной речки вблизи села с необычным названием Чертеж. Это место и стало первой «духовной родиной» Грабаря. Именно здесь закладывались основы его личности и те непреходящие ценности, которые являлись для него священными на протяжении всей жизни: любовь к природе и человеку, доброта, дружба, вера в лучшее будущее. Здесь же впервые проявились и незаурядные художественные наклонности Игоря, которые, как и у большинства талантливых людей, обнаружились довольно рано. Деятельная, энергичная натура одаренного мальчика, активность его воображения требовали немедленной реализации творческих сил, и он целыми днями самозабвенно рисовал, изображая все, что видел вокруг себя.

Памятным событием детства стало строительство под «руководством» маленького Игоря настоящего, не игрушечного, да к тому же каменного, дома, при этом вполне пригодного для жизни, хотя и не превышающего по высоте средний рост детей его возраста. Благополучная реализация замысла юного дарования произвела сенсацию среди приезжавших из далекой России друзей деда. Взрослые восхищались талантом Игоря, осуществившего столь грандиозный для ребенка проект, и предрекли ему будущее знаменитого зодчего. Отчасти это пророчество сбылось: через много лет архитектурный талант Грабаря однажды действительно проявился в полной мере при проектировании комплекса зданий земской больницы под Москвой.

Заказ поступил в начале 1910-х годов от наследников известного врача-терапевта, профессора Московского университета и основателя московской клинической школы Григория Антоновича Захарьина. По желанию заказчиков архитектурный комплекс должен был не только отвечать новейшим требованиям медицины, но и быть мемориаль-

ным в память о Григории Антоновиче и его рано умершем сыне. Этот замысел невероятно увлек тридцатилетнего Грабаря, и он со свойственными ему энергией и вдохновением приступил к его разработке и осуществлению. Еще в юности во время длительной поездки за границу он тщательно изучал памятники архитектуры, особо выделяя здания, построенные по проектам гениального итальянского зодчего позднего Возрождения Андреа Палладио. Искусство этого мастера, основанное на традициях античной и ренессансной архитектуры, оказало на Грабаря сильное влияние, найдя творческое преломление при проектировании больницы Московского земства, здание главного корпуса которого украсил величественный палладианский четырехколонный портик. Вместе с тем в выстроенных по проекту Грабаря больничных зданиях воплотились идеи и русских зодчих эпохи классицизма. Служебные корпуса и хозяйственные постройки в виде небольших павильонов вместе с центральным зданием образовали единый и выразительный ансамбль, сегодня получивший статус памятника архитектуры. Позже Игорь Эммануилович также спроектировал и построил в Адлере дом для родителей.

Но вернемся к началу нашего рассказа. Путь в Россию оказался долгим. Прошло целых два года, прежде чем семья воссоединилась. Длительные остановки в городах были для мальчика наполнены новыми яркими впечатлениями и удивительными открытиями. Его буквально ошеломили огромные дома, нарядные витрины магазинов, толпы людей, обилие экипажей, красота и неповторимость старинных архитектурных памятников. Пряшев, Львов, Киев, Нежин, Москва и, наконец, Егорьевск, где жену и сына уже ждал Эммануил Иванович, — такова география первого большого путешествия будущего художника, впоследствии побывавшего за свою долгую творческую жизнь во многих стра-

нах мира. Небольшой провинциальный городок Егорьевск живописно раскинулся среди бескрайних лесов и полей Мещерского края в 100 километрах от Москвы. Известный еще с XVIII века город получил свое название от церкви святого великомученика Георгия Победоносца, которого в народной традиции обычно называли Егорием, покровителя Русской земли и земледелия. В XIX веке Егорьевск стал центром старообрядчества и славился своими многочисленными церквями и старинными обителями, расположенными неподалеку в окрестных селах, а также городским храмовым ансамблем Свято-Троицкого Мариинского женского монастыря. В 1879 году, незадолго до приезда семьи Эммануила Ивановича Грабаря, в центре Егорьевска был сооружен величественный Александро-Невский собор — главная городская доминанта и достопримечательность. Совсем недавно была основана и Егорьевская мужская четырехклассная прогимназия, в которой с 1978 года уроки немецкого языка вел отец художника. Вскоре Эммануил Иванович был переведен в Измаильскую шестиклассную прогимназию, а в 1895 году получил назначение на должность помощника профессора в старейшем учебном заведении России — Юрьевском университете, основанном еще в начале XVII века.

Осенью 1880 года Игорь поступил в подготовительный класс егорьевской прогимназии. Здесь до него учился и брат Владимир, которого вскоре родителям удалось определить в престижный частный пансион в Киеве. Игорь был первым учеником по многим предметам, но особенно его увлекали уроки рисования, которые вел художник Иван Маркович Шевченко — выпускник знаменитого Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В те времена это было одно из ведущих художественных учебных заведений Российской империи, в котором в разные годы

преподавали такие известные мастера, как В. Г. Перов, А. К. Саврасов, В. Д. Поленов, В. А. Серов, И. И. Левитан, К. А. Коровин и многие другие первоклассные художники. Игорь знал, что его учитель рисования писал маслом пейзажи и портреты, и давно тайно мечтал побывать у него в домашней мастерской, чтобы хоть краем глаза увидеть, как работает настоящий живописец. Однажды такая счастливая возможность ему представилась. Как-то у отца выдалось свободное время и он собрался навестить Ивана Марковича Шевченко. По настойчивой просьбе сына Эмануил Иванович счел возможным взять и его с собой.

В доме у учителя мальчик впервые увидел мольберт со стоявшим на нем натянутым на подрамник холстом и палитру с полыхающими всеми цветами радуги масляными красками. «Я думал, что не выдержу от счастья, наполнявшего грудь, особенно когда почувствовал сладостный, чудесный запах свежей краски», — вспоминал художник¹.

Именно тогда у маленького Игоря впервые зародилась сокровенная мечта непременно стать живописцем. На долгие годы осуществление этого страстного желания стало его главной целью.

Между тем патриархальный Егорьевск был небогат на культурные ценности, оказывающие благотворное эстетическое воздействие на художественно одаренного ребенка. Пока Игорь мог довольствоваться лишь чтением популярных в те времена художественно-литературных

¹ Моя жизнь. С. 24.

журналов «Нива» с репродукциями картин современных художников, «Всемирной иллюстрации» и «Живописного обозрения», где помещались небольшие очерки о выдающихся русских живописцах, в том числе и о творчестве Ильи Ефимовича Репина — его будущего учителя. Как и многие художники в детстве мальчик с интересом просматривал и затем часами старательно срисовывал все понравившиеся ему иллюстрации из журналов. Известно, что детское творчество часто основывается на подражании, но такого рода занятия на ранних этапах оказывают благоприятное воздействие на развитие художественных способностей ребенка, так как при этом вырабатываются определенные необходимые для творчества технические навыки. Именно поэтому с давних времен учебное копирование с живописных оригиналов являлось первой ступенью овладения художественным ремеслом. Так, в созданной в середине XVIII века знаменитой Императорской Академии художеств копирование классических образцов было обязательным и играло большую роль в обучении воспитанников, предворяя их работу с натуры. Сегодня студенты художественных вузов также исполняют учебные копии с оригиналов для подкрепления теоретических знаний и практических навыков.

В 1882 году произошло событие, коренным образом в одночасье изменившее жизнь Игоря. Эммануила Ивановича неожиданно перевели на новое место службы в Измаил, что было в те времена обычным делом. Перед отъездом родители устроили сына в Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая, основанный видным публицистом и реформатором образования Михаилом Никифоровичем Катковым. Перед мальчиком открылась блестящая перспектива воочию ознакомиться с шедеврами русского искусства в Третьяковской галерее

и картинами ведущих современных художников, представленных на многочисленных московских выставках. Кроме того, ему предстояло учиться в достаточно престижном учебном заведении, которое по своим правам приравнивалось к классическим правительственным гимназиям. С 1875 года и до конца жизни обязанности директора в нем исполнял его основатель, и с этого времени москвичи стали называть лицей Катковским. Переезд Игоря из Егорьевска в Москву сыграл огромную роль в его творческом становлении и развитии. Не секрет, что раскрытие творческого потенциала художественно одаренной личности во многом зависит от окружающей его среды и обстановки. Москва с ее разнообразной культурной жизнью буквально потрясла подростка. Первым сильным впечатлением стало посещение художественного отдела Всероссийской промышленной выставки, которая открылась в 1882 году. Вся экспозиция была размещена в отдельных павильонах на Ходынской площади, и главной ее достопримечательностью стало центральное здание, состоящее из восьми расположенных звездообразно и соединенных между собой двумя концентрическими галереями павильонов. В одном из них размещался впервые созданный художественный отдел, в котором экспонировалось более 900 произведений крупнейших русских художников, что стало значительным событием в культурной жизни России. Более всего восхищенный полотнами Ильи Ефимовича Репина, Василия Ивановича Сурикова, Василия Васильевича Верещагина, Ивана Ивановича Шишкина, Игорь приходил в экспозиционные залы много раз и с тех пор стал постоянным посетителем выставок, а также Московской городской галереи Павла и Сергея Третьяковых — знаменитого частного музея в Лаврушинском переулке, открытого для посещения с 1867 года. Впоследствии Третьяковская галерея приобрела статус национального музея, а в наши дни это главный

музей русского искусства мирового значения, обладающий богатейшим собранием живописи, скульптуры и графики. От непосредственного живого соприкосновения с работами выдающихся художников Игорь испытывал сильнейшие переживания, неизменный восторг и огромное эстетическое наслаждение. Через эмоциональное восприятие произведений искусства возникало понимание художественной формы и культуры цвета и незаметно совершалась своего рода психологическая подготовка к самостоятельной творческой деятельности.

В Москве, во многом благодаря старшему брату Владимиру, который учился в это время на юридическом факультете в университете, у Игоря быстро складывался новый интересный круг общения. Следует особо отметить, что Владимир Эммануилович, который был на шесть лет старше брата, всю жизнь нес высокое чувство ответственности за его воспитание и образование. Его родственная поддержка и действенная помощь, особенно в студенческие годы, была как воздух необходима пылкому увлекающемуся юноше. Сохранилось огромное количество пронизанных любовью и трогательной заботой писем, которые братья писали друг другу на протяжении всей жизни. Этот уникальный эпистолярный материал содержит интереснейшие важные факты, позволяющие уточнить и дополнить творческую биографию художника. Грабарь очень любил и испытывал чувство глубокой привязанности и уважения к Владимиру Эммануиловичу, который впоследствии стал крупным специалистом в области истории и теории международного права, доктором юридических наук. Художник создал несколько выразительных портретов брата. Следуя традициям реалистического искусства, он пытался создать жизненно правдивый и духовно значительный психологический образ ученого-интеллектуала.

Владимир Эммануилович познакомил Игоря со своим приятелем по Московскому университету, будущим живописцем, педагогом, членом Товарищества передвижных художественных выставок Дмитрием Анфимовичем Щербиновским. «Я скоро с ним сблизился, — вспоминал Грабарь, — и эта близость, перешедшая затем в дружбу, имела решающее значение в моей дальнейшей судьбе. Я и раньше был уверен, что стану художником, но постоянное общение с Щербиновским и встречи с теми художниками, которые к нему заходили, бесспорно решили мой жизненный путь»¹. У Дмитрия Щербиновского часто бывали ученики Московского училища живописи, ваяния и зодчества, а также известные мастера русского бытового жанра и исторической картины Василий Дмитриевич Polenov, Сергей Васильевич Иванов и Абрам Ефимович Архипов, встречи с которыми произвели неизгладимое впечатление на Грабаря, еще более укрепив его решимость стать художником. Благодаря новым друзьям у юноши появилась возможность познакомиться с коллекцией западноевропейской и русской живописи московского предпринимателя и коллекционера Дмитрия Петровича Боткина. В приобретении произведений искусства Боткину помогал его друг художник-маринист, мастер русской батальной живописи Алексей Петрович Боголюбов, который начиная с 1871 года постоянно жил в Париже. Впервые Грабарь видел картины известных западноевропейских мастеров и среди них полотна выдающихся французских художников: пейзажиста эпохи романтизма Камиля Коро, оказавшего сильное влияние на импрессионистов, и основателя реализма в живописи Гюстава Курбе. Все это способствовало формированию у Грабаря профессиональной ориентации в мире искусства. Теперь

¹ Моя жизнь. С. 36.

он не только наслаждался созданным живописцем художественным образом, но начинал понимать его особую структуру, обусловленную не только духовным содержанием, но и использованием для воплощения творческого замысла «вещественного» первоэлемента живописи — цвета и линии.

Стремительно возрастающая потребность в творческой деятельности привела Грабаря в рисовальные классы Московского общества любителей художеств, которые он с большим усердием стал посещать в свободные от учебы воскресные дни. Это творческое объединение играло ведущую роль в художественной жизни Москвы тех лет, устраивая периодические выставки, конкурсы, благотворительные лотереи, аукционы, распродажи, вырученные средства от которых направлялись на помощь молодым художникам. Среди преподавателей рисовальных классов Грабарь особенно выделял Владимира Васильевича Попова, который вел уроки рисования и черчения и в Катковском лицее. Попов сразу же обратил внимание на художественно одаренного ученика и стал давать ему ценные указания по рисунку и технике живописи. Первые небольшие натурные этюды с московскими видами Кремля, Нескучного сада, Воробьевых гор, Москвы-реки, с портретами учеников и служащих лицея, а также небольшие натюрморты, по воспоминаниям Грабаря, пользовались неизменным успехом у окружающих. Летом, приезжая к родителям в Измаил, начинающий художник не оставлял работу с натуры: он с воодушевлением писал пейзажи с видами Дуная, старой турецкой крепости, сада, портреты горожан и своих приятелей. Когда осенью 1889 года после окончания московского лицея Игорь отправился в Санкт-Петербург, чтобы по семейной традиции продолжить обучение на юридическом факультете университета, он не забыл взять

с собой ящик с красками, кисти и складной мольберт — с этими художественными принадлежностями будущий живописец больше никогда не расставался.

Столичный город со своими знаменитыми дворцами, соборами, проспектами предстал перед Грабарем величественным блистательным видением. Художник вспоминал:

«Петербург поразил меня своей нарядностью, шириной улиц, высотой домов, уличным движением. Вот она столица, думал я, когда ехал на извозчике с Варшавского вокзала на Выборгскую сторону. Недаром Москву называют большой деревней. Я жадно вглядывался в ровные ряды разноцветных пятиэтажных зданий, особенно насторожившись при проезде через Невский проспект и Литейный мост. В этот первый осенний день Петербург показался мне сказочно прекрасным, с сверкающей вдали адмиралтейской иглой, синей Невой, гранитной набережной и Петропавловским шпирцем. Таким он остался для меня с тех пор навсегда: самым красивым городом Европы»¹.

Безусловно, во многом выбор места учебы Грабаря был связан с тем, что в Санкт-Петербурге находилась знаменитая Императорская Академия художеств, из стен которой вышли выдающиеся живописцы, скульпторы, архитекторы. Основанная в 1757 году по проекту видного государствен-

¹ Моя жизнь. С. 65.

ного деятеля Ивана Ивановича Шувалова как «Академия трех знатнейших художеств» — живописи, скульптуры и архитектуры, она стала крупным художественным учебным заведением России, сыгравшим важную роль в становлении и развитии русского искусства. Совсем скоро здесь будет учиться и Игорь Грабарь, а пока жизнь студента юридического отделения петербургского университета наполнена нелегким самоотверженным трудом и расписана буквально по часам. Ему предстояло не только овладевать юридическими знаниями, но и самому зарабатывать на хлеб насущный, так как отец не мог оказывать ему достаточную помощь из-за своего скромного заработка учителя. Денег, которые ему регулярно высылались, катастрофически не хватало, и справиться с нуждой ему помогло внезапно обнаружившееся литературное дарование.

Долгими осенними и зимними вечерами Грабарь писал небольшие юмористические рассказы для петербургских журналов, которые, как вспоминал Игорь Эммануилович, весьма охотно публиковали. Университетские годы были ознаменованы важным событием, оказавшим большое влияние на мировоззрение молодого человека. По рекомендации друзей он стал исполнять обязанности секретаря у сенатора Федора Михайловича Дмитриева — историка права, публициста, профессора Московского университета, попечителя Петербургского округа, который из-за прогрессирующей болезни глаз нуждался в помощнике. Грабарь вспоминал о Федоре Михайловиче: «В сенате он выделялся из общего уровня закоренелых бюрократов своим язвительным и временами злобным красноречием, а также сатирическими стихами и эпиграммами, ходившими по Петербургу и создавшими ему репутацию обличителя неправды»¹. Дмитри-

¹ Моя жизнь. С. 74.

ев обладал феноменальной памятью, владел французским, немецким, английским и итальянским языками и был широко эрудированным ученым-юристом. Грабарь признавался, что, работая у него, он окончил второй, «дмитриевский», университет, и позже писал: «Федор Михайлович имел решающее влияние на формирование моих тогдашних литературных симпатий и вкусов. Я впервые понял по-настоящему Пушкина, беззаветно полюбив его, ставшего для меня выше всех мировых поэтов. <...> Только благодаря Дмитриеву я понял гений Толстого и Достоевского <...> я слушал его бесконечные рассказы из жизни старой Москвы и старого Петербурга. <...> Я впервые от него услышал имена славных петербургских зодчих, которых до тех пор не знал: Росси, Стасов, Александр Брюллов, Монферран, Воронихин, Старов, Бренна, Кваренги, Ринальди, Растрелли, <...> Интересом к старине я всецело обязан Дмитриеву, он же привил мне вкус к мемуарной литературе и архивным исследованиям, определив в значительной степени мои дальнейшие пути и перепутья»¹.

С Дмитриевым Грабарь читал и запрещенную литературу: книги французского либерального философа, писателя и историка религии Эрнеста Ренана, выступавшего за свободу и просвещение народа, которых, по его мнению, возможно было достигнуть без революций и войн, статьи публициста-революционера Александра Ивановича Герцена, труды родоначальника немецкой социал-демократии Фердинанда Лассаля, письма одного из теоретиков анархизма и народничества Михаила Александровича Бакунина, отвергавшего идею любого привилегированного положения человека или класса. Все эти идеи получили широкое распространение среди наиболее просвещенных

¹ Моя жизнь. С. 80–81.